

С.П. Гринева

«... Это был большой для меня человек» – так писал Ф.М. Достоевский о нашем земляке-белгородце. Великий писатель через всю свою жизнь пронес глубокую благодарность к этому человеку. Имя его – Иван Николаевич Шидловский. В конце жизни Достоевский, обращаясь к Вс.Соловьеву, писал: «...Нужды нет, что его никто не знает и что он не оставил после себя литературного имени. Ради бога, голубчик, упомяните – это был большой для меня человек и стоит он того, чтобы его имя не пропало» (5, т.2, с.191). К сожалению, имя это известно лишь узкому кругу специалистов. Мало кто знает о нем и на Белгородчине. В Волоконовском краеведческом музее есть скромная экспозиция, посвященная родовым корням дворян Шидловских. На сегодняшний день основательного исследования, связанного с деятельностью и судьбой И.Н. Шидловского нет, кроме нескольких публикаций (1; 2; 3) и отдельных штрихов, оставленных в исследованиях о Достоевском. Его имя не вошло и в «Краткую литературную энциклопедию».

В данной статье сделана попытка по письмам и другим документам раскрыть смысл слов Достоевского о большой значимости Шидловского в его жизни и творческой судьбе.

Ф.М. Достоевский познакомился с И.Н. Шидловским в мае 1837 года в Петербурге, куда приехал с отцом и старшим братом для подготовки к вступительным экзаменам в Инженерное училище. С этой целью братья были помещены в пансион К.Ф. Костомарова. Позднее, в «Дневнике писателя», Достоевский оставил свидетельство: «Мы с братом стремились тогда в новую жизнь, мечтали о чем-то ужасно, обо всем «прекрасном и высоком», – тогда это словечко было еще свежо и выговаривалось без иронии. Мы верили чему-то страстно, и хоть мы оба отлично знали все, что требовалось к экзамену из математики, но мечтали мы только о поэзии и поэтах. Брат писал стихи, каждый день стихотворения по три, и даже дорогой, а я непрерывно в уме сочинял роман из венецианской жизни. Тогда, всего два месяца перед тем, скончался Пушкин, и мы дорогой сговаривались с братом, приехав в Петербург, тотчас же сходить на место поединка и пробраться на бывшую квартиру Пушкина, чтобы увидеть ту комнату, в которой он испустил дух» (4, т.22, с.27).

Как мы видим по данной записи, в жизни Достоевского это был романтический период высоких мечтаний и надежд. Шидловский в это время служил начинающим чиновником в Министерстве финансов и проживал на Фонтанке «у Обухова моста» недалеко от гостиницы, где остановились Достоевские (у Обуховского моста) (см. подробнее – 1; 10). Новый знакомый Федора Достоевского увлекался поэзией, был достаточно образованным молодым человеком. К.В. Мочульский, автор материала о религиозно-философских исканиях Достоевского, отмечает: «Шидловский пишет туманно-мистические стихи, страдает от возвышенной любви, вдохновенно говорит о Царствии Божием и сладостно мечтает о самоубийстве. Он разочарован: даже любимая женщина не может вдохновить его на великие создания <...> В душе его звучат стихи Шиллера и Новалиса, веют бесплотные тени поэзии Жуковского, откликаются натурфилософские идеи Шеллинга» (9, с.224). И хотя в статье исследователя проскальзывает тень иронии, но, заметим, именно эта особенность душевного состояния нового друга и притягивала Достоевского, а главное, формировала его эстетическое и этическое восприятие мира. В этот период она смягчала и уравнивала полярные метания души будущего писателя и в чем-то направляла его стремления. С одной стороны – «Я никогда не мог забыть фельдбергера и многое позорное и жестокое в русском народе...» (4, т.27, с.27); «Мое

первое личное оскорбление, лошадь, фельдъегерь» (4, т.7, с.138).¹ С другой – именно Шидловский открывает Достоевскому мир романтической поэзии, очаровательных уголков Петербурга с его архитектурой, культурой. Об этом Достоевский не раз пишет брату, сам рассказывает по возвращении в Москву о поездке в Царское Село по железной дороге, про воздвигающийся храм Исаакия и про многие другие впечатления, полученные от общения с Шидловским, с которым они много говорили об искусстве, о предназначении человека в жизни. Об этом мы читаем и в письмах братьев Достоевских к отцу, где они, например, сообщают, что «завтра <...> придет Шидловский: и мы пойдем странствовать с ним по Петербургу и оглядывать его знаменитости» (4, т.28, с.37). Свидетельства о прогулках с Шидловским мы находим и в других письмах, датированных разным временем, где называются улицы Петербурга, Казанский собор, новые знакомые (например, в середине февраля перед отъездом из Петербурга к родным в Харьков Шидловский знакомит братьев Достоевских «с своим давнишним знакомцем отставным ротмистром Меркуловым» (7, т.1, с.47).

Думается, что К.В. Мочульский в какой-то степени прав, утверждая, что в дружбе с Шидловским Достоевский «был учеником, подавленным гениальностью своего поэтического друга <...>, он перевоплощался в Шидловского...» (9, с.225). Одно из писем Ф.М. Достоевского может быть подтверждением этого факта. Оно было написано зимой 1839 года, когда Достоевский уже был студентом и встречи с Шидловским стали частыми. Друзья просиживали вместе «целые вечера, толкуя бог знает о чем!», рассуждая «О Гомере, Шекспире, Шиллере, Гофмане». «Прошлую зиму я был в каком-то восторженном состоянии. Знакомство с Шидловским подарило меня столькими часами лучшей жизни <...> Ты писал ко мне, брат, что я не читал Шиллера – ошибаешься, брат! Я вызубрил Шиллера, говорил им, бредил им; и я думаю, что ничего более кстати не сделала судьба в моей жизни, как дала мне узнать великого поэта в такую эпоху моей жизни <...> имя Шиллера стало мне родным, каким-то волшебным звуком...» (4, т.27, с.68). Достоевский эту любовь к романтической литературе выливает на нового друга по Инженерному училищу Бережецкого, на которого он оказывал влияние, подобное тому, что испытывал со стороны Шидловского, оставаясь с последним в дружбе. В отношениях с соучениками по училищу Достоевский был сдержан. Он ничего не писал о суровом быте этого казенного заведения, возможно потому, что не замечал его, увлеченный литературой и искусством, открытыми им вместе с Шидловским. Он жил другой, отличной от других жизнью. В воспоминаниях воспитателя училища А.И. Савельева читаем: «Было только два лица, с которыми он <Достоевский> подолгу беседовал вел длинные разговоры о разных вопросах. Эти лица были Бережецкий и, кажется, А.Н. Бекетов. Такое изолированное положение Федора Михайловича вызывало со стороны товарищей добродушные насмешки и почему-то ему присвоили название «Фотия» (5, т.1, с.107). Это в училище. А за его пределами почти каждое воскресенье – встречи с Шидловским. Он стал частью жизни Достоевского. Через него он поддерживает переписку с отцом и братьями, они пишут Шидловскому, чтобы узнать о судьбе Феденьки, который мало и редко писал отцу о себе, пересылают на его имя сыну деньги. Имеется масса писем, в которых налицо свидетельства постоянных отношений с Шидловским вплоть до 1840 года. В них сообщается о встречах, посещении друг друга, передаются приветы от близких людей Федора Михайловича Шидловскому и от него им. Шидловский не безразличен к судьбе своего друга, а его друг, Достоевский, и подавно. Он «в плену» этой притягательной личности. Приведем один из ярких эпизодов, свидетельствующих об эмоциональном восприятии Достоевским своего друга. В декабре 1838 года

¹ Подробно о сцене избиения фельдъегерем ямщика, а последним – лошади, свидетелем которой был Достоевский, см. в указанном письме Достоевского к брату.

И.Н. Шидловский из-за неудачной любви делает попытку покончить жизнь самоубийством, бросившись в прорубь на Фонтанке. Он был спасен «каким-то солдатом с глупой бабой». Достоевский поддерживает его морально, об этом он пишет позже брату, и как пишет: «Ежели бы ты видел его прошлый год <...> взглянуть на него – это мученик! Он иссох; щеки впали; влажные глаза его были сухи и пламенны; духовная красота его лица возвысилась с упадком физической. Он страдал, тяжело страдал! Боже мой, как любит он какую-то девушку... Без этой любви он не был бы чистым, возвышенным, бескорыстным жрецом поэзии... Передо мной было прекрасное, возвышенное создание, правильный очерк человека, который представили нам и Шекспир, и Шиллер; но он уже готов был тогда пасть в мрачную манию характеров байроновских <...> О, какая откровенная, чистая душа! У меня льются теперь слезы, как вспомню прошедшее... Наступила весна; она оживила его. Воображение его начало создавать драмы, и какие драмы, брат мой!.. А лирические стихотворения его!.. Последнее свидание мы гуляли в Екатерингофе. О, как провели мы этот вечер!.. <...> Он не скрывает от меня ничего, а что я был ему? Ему надо было сказать кому-нибудь... (4, т.28, с.68). Отголоски эмоционального колорита этого письма мы ощутим позднее в настроении ранних повестей «Белые ночи», «Бедные люди».

Об эстетических идеалах Шидловского этого времени можно судить по письму, написанному 17 января 1839 года к М.М. Достоевскому. В нем он иронически отзывается о новом номере «Библиотеки для чтения» со статьей барона Брамбеуса о стихах «двух новорожденных близнецов нашей словесности» Норева и Баласогло, противопоставляет этой статье «Отечественные записки» Краевского, которые с их «разнообразием предметов», чистотою слога и мысли «не «Библиотеке» чета». Здесь он причисляет себя к поклонникам Полевого, но в то же время критикует романтические эффекты его драмы «Уголино». Оценивая «Современник» Плетнева, вспоминает о критике в пушкинском «Современнике». Говорит о своем желании «быть журналистом»; разъясняет значение журналистики, «созидающей общественное мнение». Критически оценивает драму Виктора Гюго «Эрнани», в противовес которой высоко ставит драмы Шекспира, Шиллера, Гете, Манцони, отмечая, что в них – «каждое явление есть следствие духа, характера, необходимая строка в книге судеб человеческих». У Гюго, по его мнению, «замешивается случай пустой, безалаберный» (10, с.78-79).

Обратимся к некоторым философско-эстетическим утверждениям Шидловского в бытность дружбы его с братьями Достоевскими. «Ваша поэзия своим изящным характером возвращает меня к младенчеству, к той простоте, чуждой современного суемудрия, байроновского бешеного эгоизма, без которого нельзя войти в Царство Божие. Полевой чудесно выразился при мне однажды, что на человека надобно смотреть, как на средство к проявлению великого в человечестве, а тело, глиняный кувшин, рано или поздно разобьется, и прошлые добродетели, случайные пороки сгинут» (8, т.86, с.359). У Достоевского в это же время читаем: «Атмосфера души человека состоит из слияния неба с землею <...> Мне кажется, что мир наш – чистилище духов небесных, отуманенных грешною мыслью» (Там же).

Мы видим, что Шидловский на все явления литературной жизни имеет свою точку зрения, главным критерием искусства для него является духовность. Бесспорно, что Достоевский, как губка, впитывал все, что исходило от его друга, если учесть, что это был романтический этап жизни (вспомним, Достоевскому еще не было и двадцати). На страницах писем Ф.М. Достоевского достаточно четко просматривается образ молодого пламенного романтика Шидловского, прототип которого будет угадываться позднее в героях его произведений. Упомянувшийся уже нами К.В. Мочульский пишет, что Достоевский находился от Шидловского «в исступлении восторга». «Юноша не только глядит на все глазами своего друга, но буквально чувствует его чувствами. Здесь впер-

вые проявляется способность писателя к творческому перевоплощению», – по мнению исследователя (9, с.224).

Шидловский, постоянно тяготившийся северной столицей, атмосферой «ограниченной свободы», тоскует и в силу этого часто уезжает в родное имение Грушовку или в Харьков к родственникам и, наконец, уезжает совсем. Известно, что здоровье его было ослаблено петербургским климатом. Друзья расстались и больше не виделись. По свидетельству невестки Шидловского, Л.В. Шидловской, которую Анна Григорьевна Достоевская попросила сообщить о судьбе друга Федора Михайловича для книги воспоминаний, задуманной ею уже после смерти Достоевского, Иван Николаевич Шидловский писал стихи, драмы, которые не стремился издавать. Скоро он бросил это занятие и увлекся историей русской Церкви. «Но ученая работа, – как утверждает мемуаристка, – не могла всецело поглотить его душевную деятельность. Внутренний разлад, неудовлетворенность всем окружающим, вот предположительно те причины, которые побудили его в 50-х годах поступить в Валуйский монастырь. Не найдя, по видимому, и здесь удовлетворения и нравственного успокоения, он предпринял паломничество в Киев, где обратился к какому-то старцу, который посоветовал ему вернуться домой в деревню, где он и жил до самой кончины, не снимая одежды инока-послушника. Его странная, исполненная всяких превратностей жизнь, свидетельствует о сильных страстях и бурной природе. Глубокое нравственное чувство Ивана Николаевича стояло нередко в противоречии с некоторыми странными поступками; искренняя вера и религиозность сменялись временным скептицизмом и отрицанием» (4, с.225) (Биографическая справка, написанная Л.В. Шидловской, хранится в Московском историческом музее).

Столь объемное цитирование этого материала нам необходимо, чтобы ощутить импульсы, нашедшие позднее место в художественном мире Достоевского. Как известно, писатель-исследователь человеческой души тянулся с ранней юности к людям необычным, «странным». Возможно, в Шидловском романтике-мистике, противоречивом и по мыслям, и по поступкам, Достоевский подсознательно увидел будущих своих героев.

Свой романтический период Достоевский пережил в учебном заведении военного типа, не очерствев, не подавив в себе восторга. И помогла ему романтическая дружба с Шидловским. Зрелый Достоевский признает положительную ценность для него этой дружбы. На следующей ступени своего развития, когда писатель осознанно мог сказать: «Душа моя недоступна прежним бурным порывам. Все в ней тихо, как в сердце человека, затаившего глубокую тайну <...> Я в себе уверен. Человек есть тайна. Ее надо разгадать, ежели будешь ее разгадывать всю жизнь, то не говори, что потерял время. Я занимаюсь этой тайной, ибо хочу быть человеком» (8, т.86., с. 370). Он не забыл порывов юности. Пережив романтизм, Достоевский воплотил его в реальных героях ранних своих произведений: «Ордын в повести «Хозяйка» начинает линию романтических героев Достоевского; Дмитрий Карамазов, декламирующий Шиллера, замыкает ее», – справедливо замечает К.В. Мочульский (9, с.225). Но впервые литературные опыты, предшествующие переходу Достоевского от «слез восторга над стихами Шиллера» к литературной зрелости «под знаком волшебника Гоголя», отмечены очень сильным влиянием друга юности Шидловского. Как мы уже упоминали, Шидловский оставил небольшое литературное наследие. Его произведения публиковались редко и собраны были воедино М.П. Алексеевым уже в двадцатых годах нашего столетия (1, с.55). Стихи не представляют высокой художественной ценности, но форма их окупалась содержанием. Они воссоздают романтический дух восприятия жизни молодежи 30-х годов, притягивавший Достоевского: его жажда познания законов бытия, предназначения человека («Куда стремитесь вы, гульливые станицы...»), «Покуда мысль моя со

мною...»); вечная, бессмертная любовь, которая возвышает человека и поглощает целиком («О, для чего тебя послал мне Бог?», «Ни расстояние, ни время...»). По мнению М.Л. Гомона, Шидловский творчески развивал мотивы поэзии В.А. Жуковского и предвосхищал А.А. Фета (2, с.54). В это же время он пишет драму «Мария Симонова». В духе Шидловского Достоевский тоже создает первые произведения, отрывки из которых читает у брата Михаила на вечеринке (из драм «Мария Стюарт» и «Борис Годунов»). В них чувствуется влияние Шидловского, увлечение Шиллером и Пушкиным. Наброски названных произведений до нас не дошли, и драматургом Достоевский не стал, но свидетельства о творческом опыте этого периода под сильным влиянием Шидловского имеют место в письмах и пометках, оставленных писателем (4; 7). Все сказанное помогает нам понять наполняемость и обоснованность слов Ф.М. Достоевского, от которых мы оттолкнулись в нашем исследовании – «... это был большой для меня человек».

Литература

1. Алексеев М.П. Ранний друг Ф.М. Достоевского. – Одесса, 1921.
2. Гомон М.Л. Бирюченский друг Достоевского – В кн.: Литературная Белгородчина. – Воронеж, 1979.
3. Горбатов Л.Е. «Чтобы имя его не пропало...» – В кн.: Литературный Белгород. – Воронеж, 1970.
4. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: В 30-ти томах. – Л.; Наука, 1972-1991.
5. Достоевский в воспоминаниях современников. В 2-х томах. – М., 1964.
6. Достоевский Ф.М. Материалы и исследования. Издание продолжается.
7. Летопись жизни и творчества Ф.М. Достоевского. В 3-х томах. 1821-1881. РАН, Санкт-Петербург, 1993-1995.
8. Литературное наследство. Т. 86. – М., 1973.
9. Мочульский К.В. Достоевский. Жизнь и творчество. – В кн.: Гоголь. Соловьев. Достоевский. – М., 1995.
10. Нечаева В.С. Ранний Достоевский. 1821-1849. – М., 1979.

Роман Д.Оруэлла “1984” как художественное единство

Н.В. Бардыкова

За пятьдесят лет, прошедших со дня публикации романа Джорджа Оруэлла “1984”, он неоднократно становился предметом острейших дискуссий зарубежных политологов, социологов, культурологов, философов, психоаналитиков, лингвистов и литературных критиков. В последние годы в спорах о нем приняли участие и российские исследователи. (1) Однако до сих пор книга Оруэлла (как особый художественно-эстетический феномен) нуждается в литературоведческом истолковании. Данная статья – попытка осознания некоторых особенностей художественно-эстетического мышления Оруэлла посредством выявления принципов расположения художественного материала, соотношенности его частей, внутренних связей и взаимодействия всех компонентов произведения.

Конструктивный строй книги и повествовательная манера Оруэлла не просты. В романе, четко подразделенном на три части и двадцать три главы, писателем графически наглядно обозначены главы-вехи на пути его героев. Но части, почти равные по объему, не тождественны по форме повествования. В первой из них повествование ве-